

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ АМАЛЬГАМА В СЛОВЕСНОМ ОБРАЗЕ-МЕТАБОЛЕ (на материале американской поэзии постмодерна)

БЕЛЕХОВА Л.И.

Киевский национальный лингвистический университет

This paper focuses on revealing linguistic and cognitive mechanisms of metabolic verbal image formation in postmodern poetic texts. It has been proved that unlike metaphor the sense formation of which is based on conceptual integration (blending), in metabolae besides blending there is conceptual amalgam that ensures rhizome character of semantic space of verbal poetic image, and serves as a means of its storing and processing .

Современная когнитивная теория образности художественного текста, основанная на теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1999; Freeman 2000; Grady 1997; Kövecses, Radden 1998] и теории концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 2002], ориентирована на выявление лингвокогнитивных механизмов формирования и функционирования словесных поэтических образов (далее СПО) в поэтическом тексте, на определение характера взаимодействия между языком и мышлением, выяснение того, как образ объективирует в словесных формах знание о мире и языке.

Актуальность статьи определяется общей направленностью современной когнитивной поэтики на исследование семантики художественного текста в плоскости ментальных процессов, что помогает уточнить механизмы творческой креативности.

В задачу статьи входит выяснение лингвокогнитивных механизмов формирования новых СПО, построенных на метаболе, трактуемой как вид особенного тропа, характерного для постмодернистской поэзии.

В своём исследовании мы исходим из того, что эволюция СПО вообще и в американской поэзии в частности, специфика его вербального оформления в современный период тесно связана с изменениями типов художественного сознания и развитием видов поэтического мышления – от синкретического мифопоэтического мышления в архаическую эпоху его становления к

аналоговому и ассоциативному в канонический период развития и далее к парадоксальному, параболическому и эссеистическому поэтическому мышлению на индивидуально-творческом этапе поэтического творчества [Аверинцев, Андреев и др. 1994: 3-6; Гачев 1972: 8; Эпштейн 1988: 378; Белехова 2002: 23-25].

В русле когнитивной лингвистики СПО понимается как трёхмерная величина, инкорпорирующая предконцептуальную, концептуальную и вербальную ипостаси [Белехова 2002: 7].

Предконцептуальная сторона СПО – это **смысл** образа, его архетип, автоматически активируемый бессознательными когнитивными операциями (Lakoff, Johnson 1999: 10-13). В контексте работы когнитивное бессознательное понимаем как предкатегориальную деятельность, возможность осуществления которой обусловлена наличием эмоциогенных предзнаний, вызванных эмоциональным опытом человека, хранящегося в коллективном бессознательном [Воробьёва 1995: 240; Tsur 1992: 56-62]. Архетип является формой существования коллективного бессознательного, наполняемого содержанием в сознании через соотнесение с мифологическими образами, символами, мотивами и сюжетами [Юнг 1997: 63; Campbell 1988: 18]. Архетип сам по себе еще не является образом, это только эмоциогенное предзнание, предконцептуальные импликации, вызванные бессознательной реакцией первобытного человека на тайные силы природы, неспособностью человека объяснить причину эмоционального состояния, обусловленного окружающей действительностью [Юнг 1997: 64, 90-98]. Аксиомой современной науки является признание единства и взаимодействия эмоции и когниции [Daneš 1987: 180]. Познание сопровождается эмоциями, в свою очередь, эмоции мотивируют познание [Шаховский 2009: 672]. Категоризация эмоций, концептуализация эмоционального опыта человека формирует, по В. И. Шаховскому, "внутренний эмоциональный лексикон", который воспринимается как обязательная часть сложной структуры знаний, представленных в сознании

[Шаховский 1997: 132].

Концептуальная ипостась является когнитивным кодом СПО, отражающим обобщенное **содержание** СПО. Формирование концептуальной ипостаси СПО осуществляется через лингвокогнитивные трансформации образ-схем областей источника и цели (source and target domain) на базе различных видов поэтического осмысления с помощью лингвокогнитивных операций картирования (mapping) и лингвокогнитивных процедур расширения, обобщения, перспективизации, компрессии, сталкивания, комбинации и интертекстуализации [см. Lakoff, Johnson 1999; Fauconnier 1997; Turner 1998; Fauconnier, Turner 2002; Freeman 2000; Gibbs 1993; Grady 1997; Kövecses, Radden 1998].

СПО как трехмерная величина гибко изменяет свои контуры в зависимости от когнитивных и языковых операций, доминирующих в формировании образа, от вида поэтического мышления, предопределяющего характер и направление картирования. В когнитивной лингвистике картирование понимается как проецирование структур знания с одной концептосферы на другую, как аналоговое картирование признаков и свойств сущностей области источника на онтологически родственные сущности области цели [Fauconnier 1994; Freeman 2000: 260-264; Grady 1997: 12-18].

Помимо аналогового мы выделяем и другие виды картирования, разграничивая концептуальное (аналоговое, субститутивное, контрастивное, нарративное) и языковое (конструктивно-творческое). Каждый вид картирования воплощает тот или иной вид поэтического мышления. Так, в основе *аналогового* (атрибутивного, релятивного и ситуативного) картирования лежит аналоговое поэтическое мышление, позволяющее проецировать признаки, отношения и события одной области образа на другую: "*The shoots green as paint and leaves like tongue*" (Logan). *Субститутивное* картирование понимается как замещение целого частью, одной структуры знания иной в ходе реализации ассоциативного поэтического мышления: "*There'll be many a dry eye at his funeral*" (Sandburg).

Парадоксальное поэтическое мышление служит основой *контрастивного* картирования [Gibbs 1993; Белехова 2002: 188-190], вследствие чего одна область знания сталкивается или перекрещивается с другой: "*My father moved through griefs of joy*" (cummings). *Нарративное* картирование рассматривается как проецирование сюжета или мотива художественного произведения, исторического или обыденного события жизни на содержание поэтического образа путем их переосмысления в ходе параболического или эссеистического поэтического мышления (Молчанова 2000: 77; Turner 1998: 253-289): "*She stared at him in a "Et-tu-Brutus" look*" (Snyder). И, наконец, конструктивно-творческое картирование трактуется в работе как обыгрывание потенциальных синтагматических и парадигматических свойств языковых единиц путем их проецирования на семантико-синтаксическую структуру СПО (подробнее см.: Белехова 2002: 178-207): "*He sang his didn 't and danced his did*" (cummings).

Механизмы создания новизны СПО обнаруживаются путем выявления лингвокогнитивных процессов, операций и процедур, которые обеспечивают их формирование и функционирование в стихотворном тексте. СПО как трехмерная величина гибко изменяет свои контуры в зависимости от когнитивных и языковых операций, доминирующих в формировании образа, от вида поэтического мышления, предопределяющего характер и направление картирования.

Формирование нового вида СПО – метаболы – вызвано тенденциями стихотворной речи к конвергенции, которая выражается в концентрации тропов и активизации стилистических фигур в пределах определенного отрезка поэтического текста, и дивергенции, проявляющейся в рассредоточении образов по всей ткани поэтического текста, в лишении образа предметно-чувственной конкретности.

Особенности СПО американской поэзии **постмодернизма** детерминированы господствующими художественными принципами этой эпохи, такими как антропокосмизм, децентрация структуры текста,

эkleктичность и фрагментарность в отображении мира, деконструкция [Гассан 2000: 24; Ильин 1996: 214, 222, 225, 235]. Художественные приемы модернизма: коллаж, пастиш, игра, пародия, ирония, – приобретают в постмодернизме новые качества, благодаря развитию *эссеистического* поэтического мышления. Последнее понимается как “мышление в разные стороны”, вследствие чего фрагментарность и эkleктичность описания придают тексту панорамность его восприятия [Эпштейн 2005: 12, 84, 91, 375]. В нашем исследовании *эссеистический* вид поэтического мышления трактуется как процесс поэтического осмысления реального или возможного мира, в результате которого путем индивидуально-творческого преломления свойств и признаков привычных предметов, явлений и событий жизни создается новый ракурс их видения или новый образ. Эссеистическое мышление предполагает привлечение разных способов художественного освоения действительности.

В американской поэзии постмодернизма *эссеистическое* и *параболическое* поэтическое мышление обусловили трансформацию метафоры в метаболу, переплетение означаемого и означающего. В стихотворной речи этой эпохи наряду с тенденцией к конвергенции образов прослеживается противоположная тенденция – дивергенция, проявляющаяся в рассредоточении образов по всей ткани поэтического текста, что создает эффект "диффузных эмоций" [Tsur 1992: 372], размытой эмотивности текста. Дивергенция трактуется в работе как развертывание образного пространства, ведущее к созданию безгештальтных (gestalt-free), свободных от предметной определенности (thing-free) образов [Tsur 1992: 20-21], то есть образов, лишенных конкретно-чувственной явленности, картинности.

Словесный поэтический образ, построенный на метаболе, – это образ, который невозможно разделить надвое, на прямой и переносный смыслы, на описываемый предмет и привлеченное сходство [Эпштейн 1988: 169]. В метаболе прямой и переносный смыслы сливаются, нет сходств и перенесения признаков по аналогии, как в традиционной метафоре.

Содержание СПО-метабола формируется путем интеграции образов, рассеянных по всей ткани поэтического текста. В отличие от параболы, в которой образы сцеплены единой темой, каждый из них является иносказательным выражением предыдущего, в метаболе наблюдается центробежный характер развертывания образного пространства. Каждый образ иррадирует свой смысл, зачастую прямо противоположный, расположенному рядом с ним образу, что создает специфическую эмотивность поэтического текста постмодерна.

В античной поэтике метабола трактуется как **сплетение**, объединение в одной фигуре видоизмененных тропов и повторов, в результате чего обновляется значение [Квинтилиан, 1996: 232] Современная метабола – это целостный образ, неделимый на субъект и объект, но открывающий в себе разные измерения [Эпштейн 2005: 173]

С целью выявления особенностей современной метабола, рассмотрим словесный поэтический образ американской поэтессы, лауреата Пулицеровской премии, Грейс Шульман “*Spending our suns like out-of-date coins, / until we reached the present-perfect tense – that have-been state / where past and future merge*” (Shulman ВАР, 197). На первый взгляд, в этом СПО трудно определить субъект и объект, область-цель (target domain) и область-источник (source domain), поскольку концептуальные схемы в нем переплетены, образуя неразрывный узел из как будто бы переплетенных корней, создавая своего рода клубни – ризому [Есо 1984: 74]. Метабола – это образ-загадка. Его энигматичность порождена когнитивным диссонансом, который возникает из-за семантического напряжения, созданного конвергенцией различных стилистических приёмов и экспрессивных средств в одном и том же словесном поэтическом образе: *our suns* – метонимия, *like out-of-date coins* – метафорическое сравнение, *spending our suns like out-of-date coins* – поэтическая метафора, в основе которых лежат концептуальные метафоры и метонимии: LIGHT IS LIFE, SUN IS THE LIGHT Of LIFE, SUN stands for JOYFUL PERIOD OF HUMAN'S LIFE or

TIME; TIME IS MONEY. Поскольку названные концептуальные метафоры и метонимия являются базовыми, первичными (primary) в терминологии Дж. Грейди [Grady 1997: 11], когнитивной основой которых являются архетипные и стереотипные схемы, входящие в Большую Цепь Бытия (Great Chain of Being) [Lakoff, Turner 1989: 221-223], восприятие первой части СПО не вызывает затруднения. Смысл образа "*счастливое и беззаботное времяпровождение*" вычленяется путем анализа концептуальной интеграции значений в эмергентной области. Блендинг, т.е. слияние денотативных значений лексем *sun*, *out-of-date* и *coin*, осуществляется на основе аналогового и ассоциативного картирования семантических признаков концептов LIGHT, SUN, LIFE, TIME, MONEY. Энигматичность создаётся метафорой: *reached the present-perfect tense* – *достигли настоящего-совершенного времени*, в результате конструктивно-творческого картирования, что обуславливает семантическое напряжение из-за неоднозначности номинативной единицы *tense*, означающей *время* в роли существительного, а в роли прилагательного – *напряжение*. Помимо этого дефисное написание словосочетания *present-perfect* создает эффект "остранения" по В. Шкловскому и таким образом ориентирует читателя на лингвокогнитивную процедуру перспективизации – поиска выгодной позиции (*vantage point*), или ракурса интерпретации, что обеспечивает адекватность трактовки содержания СПО. Осмысление *the present-perfect tense* через *have-been state* и соотношение содержания *настоящее совершенное время* + *напряжение* + *совершенное состояние* = *непревзойденный, совершенный настоящий период жизни* с метафорой-метонимией *where past and future merge* приводит к пониманию содержания *have-been state* как *старости*, а отсюда смысл всего словесного образу можно выразить так: *старость – это период жизни, когда человек на основе опыта постиг мудрость бытия*.

Когнитивным основанием СПО- метабола, помимо концептуальной интеграции служит концептуальная амальгама – обмен значений, не смесь, а

взвесь, не блендинг, сплав или слияние, а их параллельное сосуществование, что и образует сопричастность текстовых миров. Термин амальгама заимствован из химии, где он используется для объяснения химического процесса, в результате которого образуется суспензия, взвесь жидкости и твердых частиц, которые не растворяются, а пребывают в зависшем, взвешенном состоянии [БСЭ: 503]. Явление амальгамации подмечено и в других науках, в физике в частности. Амальгамой называется сплав ртути с другими металлами [Там же: 504]. Амальгамацией называют способ извлечения металлов при помощи ртути [Там же: 503]. В результате такого процесса или амальгамации поверхность предмета приобретает иной облик. Однако со временем амальгамированный поверхностный слой частично стирается и первоначальный материал просматривается. В лингвистику термин "синтаксическая амальгама" ввел Дж. Лакофф, понимая под ним неразложимую, далее не делимую на непосредственно составляющие синтаксическую конструкцию [Лакофф 1981: 365]. В работах Н.Ф. Алефиренко амальгамация трактуется как процесс вторичной номинации, ведущий к возникновению сложного, состоящего из нескольких слов косвенного наименования [Алефиренко 2002:37]. Смысловой спектр такого многокомпонентного знака обуславливается не только сращением нескольких отношений именованного в одно (концептуальная интеграция, блендинг), но и взаимодействием различных форм отражения действительности – первичного, зафиксированного в семантике знаков первичной номинации, и вторичного, вызывающего необходимость вторичной, косвенной номинации [Там же: 37]. Иными словами, пояснение нового значения языковой единицы осуществляется сквозь призму уже существующих, известных значений. Семантическое пространство образа понимаем как некий контейнер, в котором происходят различные процессы взаимодействия значений его номинативных единиц.

Графически конфигурацию семантического пространства метаболы с ризомным переплетением образов покажем на рис.1:

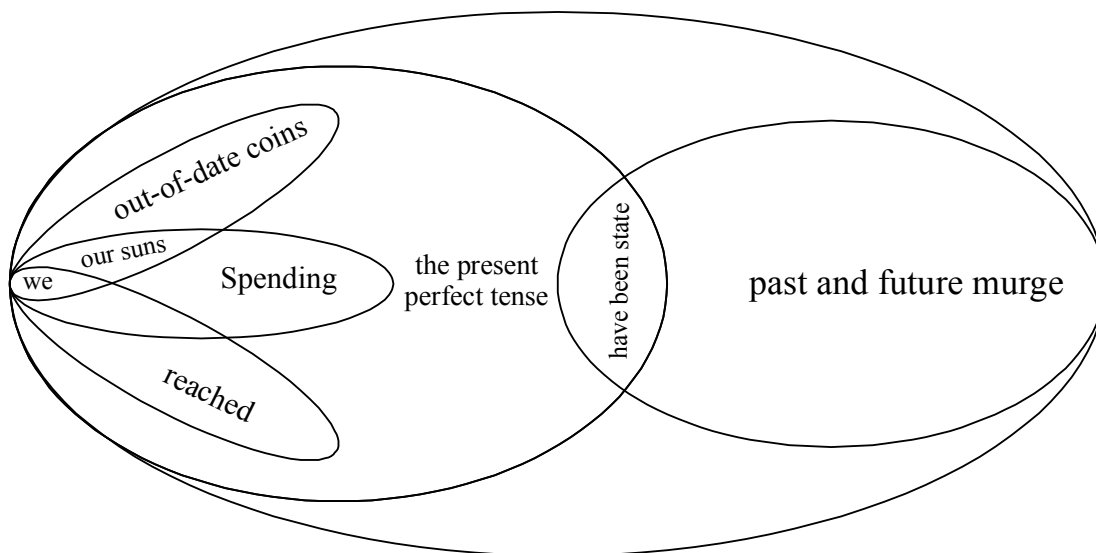

Рис.1. Конфигурация семантического пространства словесного поэтического образа-метабола Г.Шульман “*Spending our suns like...*”

Конфигурация семантического пространства метабола обусловлена конвергенцией и дивергенцией образов, объединённых между собой цепочечными (конвергенция) и радиальными (дивергенция) связями.

Таким образом, словесный поэтический образ, создаваемый метаболом, – это образ, который невозможно разделить на прямое и переносное значение, на описанный предмет и предполагаемое подобие, это образ сопричастных друг другу миров. Значение в метаболе формируется в процессе сложной перегруппировки денотативных и коннотативных смыслов в семантической структуре СПО. Концептуальная амальгама способствует ризоматическому переплетению смыслов и предопределяет сохранение первичного архетипного смысла и взаимодействие его с новыми.

В свете лингвосинергетического понимания языка и слова, "слово является информационно-энергетическими посредником и одновременно "золотым ключиком" познания общего устройства мироздания, в котором информация и энергия первичны, а материя-сознание – вторичны. Сознание, материя и энергетическая информация сливаются в языке в единое целое, отражая общие закономерности устройства человека, природы, вселенной. Слово как бы имеет две ипостаси: массу и энергию, материю и

энергетическую волну, которые излучают языковые единицы" [Манакін 2007: 93].

Дальнейшей перспективой научного поиска может быть сопоставительное изучение когнитивных стилей разных поэтов, выявление культурологических и синергетических особенностей словесных поэтических образов, способствующее очерчиванию культурно-ценностной картины мира в американской поэзии.

Литература

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А. / С.С. Аверинцев и др. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М. : Наследие. – 1994. – С. 3 – 38.
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко – М. : Academia, 2002. – 394 с.
3. Белехова Л.І. Словесний поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії) : монографія / Л. І. Белехова – Херсон : Айлант, 2002. – 368 с.
4. Воробьева О.П. Эмотивность художественного текста и читательская рефлексия / О.П. Воробьева // Язык и эмоции. – Волгоград : Перемена. – 1995. – С. 240 – 246.
5. Гачев Г.Д. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа / Г.Д. Гачев. – М. : Искусство, 1972. – 200 с.
6. Гассан І. Чим є постмодернізм і чим він стане? Літературний і культурний аспекти: Пер. з англ. / І. Гассан // Американська література після середини ХХ століття: Матеріали міжнародної конференції, Київ, 25-27 травня 1999 року. – К.: Довіра. – 2000. – С. 19 – 28.
7. Гринцер П.А. Сравнительное литературоведение и историческая поэтика / П.А. Гринцер // Серия литературы и языка. – 1990. – Т. 49, № 2. – С. 99 – 108.
8. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. / И.П.

Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 256 с.

9. Квинтилиан. Антология текстов / Квинтилиан // Античные теории языка и стиля: Сост. Троицкий О.П. – СПб. : "Алетейя". – 1996. – С. 232-233, 237-240.

10. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты / Джордж Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика. – М. : Прогресс, 1981. – С. 350-369.

11. Манакін В.М. Мова як синергетичний феномен /В.М. Манакін // Нова філологія. – Запоріжжя : ЗНУ, 2007. – № 27. – С. 91-97.

12. Молчанова Г. Г. Имя собственное и слияние концептов. (К основаниям когнитивной лингвистики) / Г.Г. Молчанова // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: Материалы Круглого Стола, апрель 2000. – М.: Институт языкознания РАН. – 2000. – С. 75 – 81.

13. Шаховский В.И. Эмотиология в свете когнитивной парадигмы языкознания // К юбилею ученого: Сб. научных трудов, посвященных юбилею Е.С. Кубряковой. – М.: Моск. гор. пед. ун-т. – 1997. – С. 130 – 135.

14. Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике / В. И. Шаховский // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 671-683.

15. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное : Сборник : [пер. с англ.]. / К.- Г. Юнг – СПб. : Университетская книга, 1997. – 544 с.

16. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии в XIX – XX в. / М. Н. Эпштейн. – М. : Советский писатель, 1988. – 416 с.

17. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе: Учеб. пособие для вузов / М.Н. Эпштейн. – М. : Высшая школа, 2005. – 495 с.

18. Campbell J. The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion / J. Campbell. – N. Y., Toronto : Harper and Row Publishers, 1988. – 286 p.

19. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language / U. Eco. – Bloomington : Indiana University Press, 1984. – 242 p.

20. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language / G.Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
21. Fauconnier G., Turner M. / G. Fauconnier, M. Turner. Principles of conceptual integration // Discourse and Cognition: Bridging the Gap: [Ed. by J.R. Koenig]. – Stanford : CSLI Publications. – 1998. – P. 269-283.
22. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities /G. Fauconnier, M. Turner. – N.Y. : Basic Books, 2002. – 440 p.
23. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature / M. Freeman // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 2000. – P. 253- 283.
24. Gibbs R. W., Jr. Process and products in making sense of tropes / R.W. Gibbs // Metaphor and Thought : [ed. by A. Ortony]. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 252-276.
25. Grady J. Foundation of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes: Ph.D. dissertation. – Berkley: University of California, 1997. – 180 p.
26. Kövecses Z. Radden G. Metonymy: Developing a Cognitive Linguistic View / Z. Kövecses, G. Radden // Cognitive Linguistics. – 1998. – № 9-1. – P. 37-77.
27. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought /G. Lakoff, M. Johnson. – N. Y. : Basic Books, 1999. – 624 p.
28. Lakoff G., Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago: The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.
29. Turner M. The Literary Mind: The Origin of Thought and Language / M. Turner. – N.Y.; Oxford : Oxford University Press, 1998. – 187 p.
30. Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics /R. Tsur. – Amsterdam : Elsevier Science Publishers, 1992. – 549 p.

Справочная литература

31. Большая советская энциклопедия. (В 30 томах) Гл. ред. : А.М. Прохоров.
Изд.3-е. Т. 1. – М. : Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
Иллюстративный материал